

Е.Б. Павлова
МЕХАНИЗМ НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ
Образ «другого»
и партия «Подemos»¹

Ключевые слова: нормативная сила, Европейский союз, Испания, Венесуэла, «Подemos», «другой»

¹ Исследование проводилось при поддержке Эстонского научно-исследовательского совета (PUT 260).

Последние несколько лет стали непростым испытанием для Испании и ее партийной системы. Экономический и политический кризис, общественные протесты и движения — все это привело не просто к смене правящих элит в рамках двухпартийной системы, но и к появлению совершенно новых партий. Причем речь идет о партиях, использующих новую электоральную стратегию и провозглашающих непривычные для Старого Света идеи. Самой многообещающей из них оказалась партия «Подemos» (Podemos), которой удалось удивить европейскую общественность, получив почти 8% на выборах 2014 г. в Европарламент и 21% на национальных парламентских выборах 2015 г. Однако мы сфокусируемся не столько на электоральных успехах партии, тем более что выборы 2016 г. их во многом уже поставили под сомнение, сколько на ее весьма специфической риторике.

Комбинация леворадикальных ценностей со ссылками на ключевые идеи стран Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América*, АЛБА) — весьма необычный поворот в дискурсе государства Европейского союза. Конечно, можно вслед за противниками «Подemos» говорить о проплаченной Венесуэлой и Боливией агитации², однако анализ публикаций ключевых деятелей партии свидетельствует о том, что их интерес к нормативным трендам стран АЛБА проявился еще до начала социальных протестов в Испании. Недаром тема латиноамериканского влияния на позицию «Подemos» активно обсуждается в СМИ и научной аналитике. Прежде всего, и это особенно важно, подчеркивается заимствование политической стратегии, нацеленной не на отдельные социальные или политические преобразования, а на противостояние всей современной капиталистической системе, что характерно для дискурса Венесуэлы и других стран АЛБА³. И все же ряд вопросов остается открытым. Почему лидеры «Подemos», профессионально занимающиеся политологией, активно ссылаются на опыт стран АЛБА как на пример успешной альтернативной политической линии? Чем объяснить этот новый для экс-метрополии ракурс — обратиться за знанием в свои бывшие колонии? Как в испанском дискурсе стала возможна апелляция к латиноамериканским практикам, по сути своей ориентированным

² Manetto 2015.

³ Serrano 2014.

на борьбу с господствующей в современном мире неолиберальной парадигмой?

В настоящей статье мы постараемся ответить на эти вопросы. Отталкиваясь от теории нормативной силы, мы рассмотрим специфику формирования современного дискурса европейской идентичности, где классический образ «другого» постепенно приобретал совершенно новые черты, и продемонстрируем возможность одновременного влияния двух субъектов нормативной силы, в данном случае ЕС и Венесуэлы (что, на наш взгляд, и позволило лидерам «Подemos» апеллировать к опыту стран АЛБА как примеру для современной Европы).

Основная задача статьи, таким образом, будет заключаться в выявлении новых тенденций дискурса европейской идентичности в отношении стран третьего мира. Теоретическая ее часть будет базироваться на исследованиях, освещающих проблему европейской идентичности, прежде всего в рамках концепции нормативной силы Европы. В свою очередь, в эмпирической части будет представлен дискурс-анализ ключевых публикаций и заявлений лидеров и идейных вдохновителей партии «Подemos» — Пабло Иглесиаса Турриона, Хуана Карлоса Монедеро и Иньиго Эррехона.

**«Другой»
в механизме
нормативной
силы**

Одним из следствий распада биполярной системы в конце 1980-х — начале 1990-х годов стал новый виток интереса к понятию нормы, обусловленный стремлением осмыслить происходящее, в том числе на теоретическом уровне⁴. Важное место в таком осмыслении заняла теория нормативной силы, выдвинутая в 2002 г. Ианом Мэннерсом. Согласно этой теории, повышение роли Европейского союза в современных международных отношениях есть результат постепенного нормативного сближения стран ЕС посредством принятия общего законодательства, что привело не просто к созданию организации, но и к единству взглядов и норм. «Понятие нормативной силы в отношении ЕС, — доказывал Мэннерс, — не является концептуальным противоречием, ибо способность определять „нормальное“ в мировой политике чрезвычайно важна»⁵.

Теория нормативной силы породила серьезную дискуссию в академической среде, по сей день не утратившую своей актуальности. Ученые сравнивали нормативную силу с гражданской и мягкой силой, активно обсуждали условия ее возникновения и способы функционирования. Постепенно утвердилось мнение, что такой силой может обладать не только Европейский союз, но и другие акторы международных отношений⁶. Однако одним из главных результатов академической дискуссии стало осознание того, что нормативная сила функционирует в первую очередь как дискурсивная практика, позволяющая обозначить новые идентификационные рамки некоего сообщества. Норма трактуется в данном случае как «коллективное ожидание надлежащего поведения для определенной идентичности»⁷, где идентичность рассматривается как «связующее звено между

⁴ *Risse-Kappen 1994.*

⁵ *Manners 2002.*

⁶ *Postel-Vinay 2008; Kavalski 2013.*

⁷ *Jepperson et al. 1996: 54.*

интересами и структурой окружающей среды... как ярлык для обозначения конструирования государственности или национальности»⁸. Иначе говоря, нормативная сила возникает как составляющая дискурса идентичности, а затем закрепляется в официальном дискурсе — и именно в этой форме может влиять на международные отношения, повышая авторитет субъекта силы. Ее успешность на мировой арене напрямую зависит от признания целесообразности соответствующих норм другими сообществами.

Поскольку формирование идентичности предполагает прежде всего отграничение «я» от «другого», ключевое значение при изучении идентичности приобретают границы между «мной» и «другим», их подвижный, неустойчивый характер⁹. Проблема усложняется еще и тем, что разделенные такими границами сообщества находятся в постоянном взаимодействии диалогического плана. При этом важным моментом здесь является многообразие форм взаимодействия, не сводимых лишь к прямому антагонизму¹⁰ и различающихся между собой по степени возможного преодоления разделяющей границы. Отсюда следует, что проблема эксклюзивности/инклюзивности, то есть потенциальной возможности для «другого» быть включенным в идентификационный дискурс, может принимать различные формы.

Все сказанное относится и к нормативной силе. Возникновение механизма нормативной силы обусловлено выделением «другого» как «ненормативного», i.e. не признающего «мои» («наши») нормы. Однако в самом этом механизме уже заложена возможность преодоления границы между «мной» и «другим», и такое преодоление может идти разными путями. Подобный потенциал чрезвычайно важен, так как именно он позволяет говорить о нормативном влиянии как о примере, модели поведения, но ни в коем случае не инструменте политического манипулирования. Лишь первый этап действия механизма нормативной силы состоит в том, чтобы выделить свои нормы как особый нормативный блок, противопоставляя их другим блокам, провести границу между «мной» и «другим». Второй, не менее важный этап — предоставление «другому» возможности преодолеть этот барьер и войти в число признающих данные нормы. Именно последнее играет определяющую роль в становлении нормативной силы. «„Включение других“, — отмечает Элизабет де Цуттер, — это ключевой момент. Нормативная сила идентичности зависит от признания других, успешное распространение норм — это усвоение практик, отвечающих заявленным нормам, другими акторами»¹¹.

Тем не менее даже в случае нормативной силы мы не можем говорить о чисто инклюзивной идентичности. Так, программа расширения Евросоюза, безусловно, предполагала возможность вхождения в него стран Восточной и Центральной Европы. Не случайно именно Копенгагенские критерии рассматриваются многими авторами как основа нормативной силы ЕС. В то же время для других стран, например для Марокко или, как уже очевидно сегодня, Турции, ЕС по-прежнему

⁸ *Ibid.*: 58.

⁹ Нойманн 2004: 68—69.

¹⁰ *Abizadeh* 2005.

¹¹ *Zutter* 2010: 1114.

остаётся закрытым. Соответственно, если опираться на географические характеристики, то «европейскость» предстанет как эксклюзивная идентичность, а если на параметры демократического развития — как инклюзивная. Необходимо подчеркнуть, что инклюзивность и эксклюзивность не статичны и выбор той или иной формы определяется взаимоотношениями с конкретным «другим». Однако не все здесь зависит от субъекта, поскольку важным элементом конструирования связи «я»—«другой» является потенциальная реакция «другого»¹². Причем речь идет не столько о целенаправленных действиях «другого», сколько об уже устоявшихся практиках сотрудничества и его собственной готовности к взаимодействию¹³.

¹² Rumelili 2004.

¹³ Morozov 2012.

Специфика формирования «другого» в дискурсе нормативной силы рассматривается в целом ряде исследований. Так, Томас Диц выделяет следующие пути идентификации «другого» в рамках механизма нормативной силы Европы: «другой» как экзистенциальная угроза (что по большей части является результатом процесса секьюритизации), «другой» как нарушитель международных принципов, «другой» как иной по сути, «другой» как низший¹⁴. Конечно, это далеко не полный перечень вариантов, которые могут быть применены в зависимости от конъюнктуры. Причем некоторые из них, на наш взгляд, весьма спорны. Прежде всего это касается определения «другого» как низшего или иного по сути. Подобный подход игнорирует важную характеристику, отличающую нормативную силу от других дискурсов идентичности: способность «другого» преодолеть свою инаковость. По логике нормативной силы все эти «ненормативные другие» — не более чем заблудшие души, которые могут воспринять новые нормы и влиться в коллектив. Низший или иной по сути сделать это заведомо не в состоянии.

¹⁴ Diez 2005: 628—629.

Преодоление инаковости может принимать различные формы, но наиболее важным и интересным для нашего исследования является обращение к прошлому. «Другим» здесь оказывается то же самое общество, но на некоем предыдущем этапе. Речь идет о стремлении не просто критически переосмыслить свою историю, но и провести разделительную линию между «нами», существовавшими ранее, и «нами», осознавшими прежние ошибки¹⁵. В частности, «темпоральный другой» Европейского союза — это сама Европа, которая еще не понимала, что «нормально» в мировой политике. Как указывает Оле Вевер, «другой» для Европы — это «ее собственное прошлое, которому нельзя позволить стать ее будущим»¹⁶.

¹⁵ Patomäki 2010: 64.

¹⁶ Wever 1998: 90.

Описывая проблематику инаковости, Сергей Прозоров отмечает, что, согласно современным дискуссиям в теории международных отношений, «сегодняшний Другой Европы уходит корнями в ее собственное прошлое, то есть в Европу государств-наций, основанных на принципе территориальной эксклюзивности. Отбрасывая свое фрагментарное и конфликтное прошлое как Другого, разграничивая себя и его, современная Европа определяет себя как открытый, никого

не исключаящий „мирный проект“ преодоления самого себя, что не требует более фигуры территориального Другого для создания позитивной сущности»¹⁷. Все это, однако, подчеркивает он, ни в коей мере не означает полного разделения территориального и темпорального¹⁸.

¹⁷ Prozorov 2011: 1273—1274.

¹⁸ Там же: 1274.

Вопрос скорее в приоритетах момента и потенциале преодоления той или иной инаковости, что и формирует тот механизм, который мы определяем как нормативную силу. Таким образом, «темпоральный другой» Европы создает особые возможности для включения других сообществ в нормативный дискурс ЕС. То есть подразумевается, что сообщества, разделяющие европейские нормы, будут трактоваться как равные государствам ЕС или приняты в данную организацию. Более того, признание собственных ошибок в минувшем как характеристика «темпорального другого» ЕС ведет не просто к переосмыслению прошлого, но к иному, отличному от прежнего восприятию других стран.

Важно отметить, что темпоральность может быть использована в механизме нормативной силы для преодоления не только территориальной эксклюзивности, но и структурных ограничений, накладываемых современной системой международных отношений. Так, по мнению Эмилиана Кавальски, нормативная сила Китая строится на переосмыслении периода «национального унижения»¹⁹. «Другой» здесь — сам Китай времен Боксерского восстания, который подвергался внешним интервенциям: предполагается, что другие страны могут избежать подобного опыта, если будут следовать транслируемым Китаем нормам.

¹⁹ Kavalski 2013: 257.

Однако особый интерес для нашего исследования представляет возникновение нормативной силы Венесуэлы, так как отсылки именно к этому нормативному блоку присутствуют в заявлениях лидеров «Подemos». Венесуэльский дискурс последних лет формировался не просто через апелляцию к прошлому, но через историческую эволюцию образа колонизатора как «другого». Сама логика новых идентификационных трендов выстраивалась посредством обращения к общему героическому прошлому Латинской Америки как успешной региональной попытке сбросить западное господство, что проявилось в активном продвижении Венесуэлой идеи региональной солидарности и единства²⁰. Согласно транслируемым из Каракаса установкам, нынешний «латиноамериканский народ» в состоянии разорвать неколониальную капиталистическую систему, тем самым освободив свои государства от западных финансовых институтов. В итоге основным ориентиром здесь становятся не права индивида, а права народа в целом или отдельных социальных групп, суверенитет нации и возможность включения в систему управления как на уровне страны, так и на уровне региона и всего мира. Подобный подход, в соответствии с которым «другим» выступает приверженец неолиберальных капиталистических ценностей, «несправедливой» мир-системы, снимает территориальные рамки для включения в нормативную дискуссию по

²⁰ Chávez 2013.

формированию нового политического субъекта, способного противостоять этой системе. Иными словами, Венесуэла лишь на первый взгляд ориентируется только на Латинскую Америку. Противостояние такому «другому» явно не ограничивается одним регионом, и любые политические группы, стремящиеся к изменению существующей парадигмы, могут присоединиться к нему. Не случайно те же эквадорские или боливийские власти активно сотрудничают с лидерами «Подemos», а также с некоторыми другими левыми, например с известным английским географом Дэвидом Харви²¹.

²¹ *Martinez et al. 2015.*

Иберийские метрополии, за независимость от которых боролись латиноамериканские патриоты, в дискурсе Венесуэлы оказались заменены неолиберальной системой как системой колониальной, ограничивающей развитие современных государств. Европа здесь мыслится уже и как колонизатор, и как объект колонизации со стороны капиталистической системы. Недаром выражение вице-президента Боливии Альваро Гарсия Линера «колонизированная Европа»²² вызвало широкий, хотя и неоднозначный резонанс в латиноамериканской прессе, прежде всего в странах АЛБА²³.

²² *Тем самым Линера стремился подчеркнуть, что современные европейские страны уже давно являются «колонией» США и не способны принимать самостоятельные решения.*

Таким образом, возникает интересная модель взаимодействия двух механизмов нормативной силы — Европы и Венесуэлы. С одной стороны, европейские государства признают «ненормальность» своего поведения в прошлом, что позволяет им коренным образом изменить свое отношение к периферийным государствам. С другой стороны, Венесуэла артикулирует инаковость не столько через призму конкретных стран, сколько через противостояние системе в целом. Как следствие, для европейцев открывается потенциальная возможность для одновременной поддержки нормативного блока Европейского союза и участия в нормативных дебатах, идущих в Латинской Америке. Именно этим, на наш взгляд, и объясняются столь неожиданные, казалось бы, ссылки лидеров «Подemos» на латиноамериканский опыт.

²³ *La Europa 2013.*

Третий мир и Европа: случай «Подemos»

Период активной апелляции лидеров «Подemos» к опыту латиноамериканских стран уже миновал. Главными причинами здесь, бесспорно, послужили: (1) провал многих левых правительств в Латинской Америке, прежде всего поражение чавистов на парламентских выборах; (2) скандал в связи с финансированием некоторых участников «Подemos» Венесуэлой и Боливией. Но если объяснить снижение внимания к латиноамериканскому опыту в дискурсе «Подemos» достаточно легко, то его появление, на наш взгляд, требует более детального анализа.

Хотя по большому счету мы можем говорить о концепте «темпорального другого» в европейском дискурсе, только опираясь на дискуссии конца 1990-х годов, было бы неверно полагать, что переосмысление Европой собственной истории и отношения к третьим странам возникло лишь в это время. Очевидно, что процессы распада европейских

империй и деколонизации, происходившие на протяжении всего XX столетия, сопровождались не только изменениями на политической карте, но и серьезной переоценкой колониального прошлого Европы. Весьма показательны в этом плане дебаты французских левых во времена Алжирской войны, в рамках которых право угнетенных на борьбу противопоставлялось идее поддержания мира как первичной универсальной цели любого общества²⁴, а постоянная самокритика объявлялась неотъемлемой характеристикой любого истинного интеллектуала²⁵. Вместе с тем это были скорее общие разговоры об ужасах колониализма, нежели реальный интерес к культуре колонизированных или осознание вины колонизаторов. Даже вошедшая в моду во второй половине XX в. «политика извинений» не изменила ситуацию. Большинство европейских стран предпочло сконцентрироваться на внутриевропейских событиях.

²⁴ *Sartre 1975: 252—253.*

²⁵ *Ibid.: 260—261.*

Тем не менее идея переосмысления европейской идентичности через призму взаимоотношений с другими странами постепенно привлекала внимание серьезных исследователей. Начиная с известной работы Эдварда Саида «Ориентализм»²⁶ пересмотр роли «другого» в дискурсе европейской идентичности превратился в одну из ключевых тем при анализе будущего Европейского союза. Предложение «децентрализовать» и «провинциализировать» Европу, по выражению Дипеша Чакрабарты²⁷, стало все чаще звучать как актуальное требование не только с точки зрения теоретического познания, но и с точки зрения современной политики²⁸.

²⁶ *Said 1979.*

²⁷ *Chakrabarty 2000.*

²⁸ *Fisher Onar 2013.*

На наш взгляд, именно обновленное отношение к «другому» как в нормативном, так и в академическом дискурсе и обусловило повышенный интерес европейских научных кругов к опыту стран третьего мира. Нормативная сила Европы, где потенциальная инклюзия выступает одной из опор дискурса, занимает здесь особое место. Именно «темпоральный другой» открывает новые возможности для отказа от колониального прошлого и нового подхода к третьему миру. Как писал соучредитель «Подemos» Иглесиас Туррион, «нужно изучать то, что произошло в других частях света, без всякого высокомерия; мы, европейцы, высокомерны, когда смотрим на других, а ведь никто не стал бы нам навязывать модель страны, которую мы строим»²⁹.

²⁹ *Las diez frases 2014.*

С 2006 г. нынешние лидеры «Подemos» призывали к большему вниманию к процессам, происходящим в Латинской Америке, предлагая рассматривать новые левые режимы региона в качестве примера политической эмансипации³⁰. И если сначала подобные рассуждения носили сугубо академический характер, то со временем их авторам стало казаться, что изучаемая стратегия применима и к реалиям современной Европы. Так, в дискуссии с известным теоретиком деколониального подхода Вальтером Миньоло Иглесиас Туррион и Эррехон подчеркивали, что «социальные трансформации и глубинные изменения в политике» едва ли могут быть артикулированы в самой Европе³¹. Европу, утверждали они, необходимо «деколонизировать», то есть освободить

³⁰ *Iglesias 2006.*

³¹ *Iglesias et al. 2007: 123.*

³² *То есть приобретение ряда характеристик, свойственных именно индейским движениям.*

³³ *Iglesias et al. 2008: 289.*

³⁴ *Capelli 2014.*

³⁵ *Fernández 2014.*

³⁶ *Faber 2014.*

³⁷ *Stobart 2014.*

от ощущения неизбежности доминирования неолиберальной системы, причем основным средством такой «деколониизации» должна стать «индеанизация»³² европейских леворадикальных движений, что предполагает возникновение нового политического субъекта, способного создать иную систему³³.

Таким образом, еще до начала испанских протестов 2011 г. будущие лидеры «Подemos» активно отстаивали мысль о необходимости противостояния неолиберальной системе по латиноамериканской модели. И, что особенно важно, сама дискуссия велась в терминах, задаваемых Венесуэлой и другими странами АЛБА. Логика деколонизации как в ретроспективе, так и в рамках текущей политики стала превалировать над обычными ссылками на леворадикальные силы Латинской Америки, интерес к которым в Европе присутствовал и раньше. В итоге нормативные тренды, транслируемые Венесуэлой, начали находить более четкое отражение в испанском дискурсе.

При этом связка «деколониизация» и Европа постепенно приобрела для будущих лидеров «Подemos» новые коннотации. Экономические проблемы конца «нулевых» годов, протестные движения и очевидный кризис испанской партийной системы заставили их уточнить трактовку «колониального» в Европе, приняв такие ценности, как права народов, права угнетенных социальных групп и народный суверенитет, что сблизило дискурс «Подemos» с официальным нормативным дискурсом стран АЛБА. «Прежде всего речь идет о возрождении духа национального суверенитета, — провозглашал Иглесиас Туррион. — Нашу страну хотят превратить в колонию Германии, а мы видим страны, которым удалось возродить этот дух. Мы должны возродить его и, посмотрев в глаза руководителей с Севера, сказать им, что не будем исполнять их приказы»³⁴. «Европа, — доказывал он, — это пространство, где принимаются решения, в частности, для граждан южных стран. Мы заявим в Европарламенте, что не желаем быть колонией ни Германии, ни Центрального европейского банка, ни МВФ»³⁵. Сходные установки артикулировал и Монедеро, утверждавший, что политика Европейского союза благоприятствует центральным странам в ущерб южным — подобно тому, как соглашения о свободной торговле, продвигаемые США, удобны главным образом самому же Вашингтону и лишь немногим государствам Латинской Америки³⁶. Тем самым Монедеро и Иглесиас Туррион *de facto* формулировали идею о колонизации средиземноморских стран международными финансовыми структурами в целом и Германией в частности³⁷. По сути дела, они не просто указывали на подчиненное положение этих стран по отношению к ядру ЕС, но и участвовали в задаваемой АЛБА дискуссии о наличии колониальной зависимости между государствами одного региона, включенными в единую экономическую сеть. Параллели между ЕС и проектом Всеамериканской зоны свободной торговли здесь явно проводятся не случайно, ведь создание подобной зоны неоднократно объявлялось Венесуэлой одним из

³⁸ *Declaración 2014.* главных вызовов суверенитету и благосостоянию стран Латинской Америки³⁸.

³⁹ *García de Blas 2016.* Нужно отметить, что выступления лидеров «Подemos» относительно использования латиноамериканского опыта, как правило, носят абстрактный характер. Тем больший интерес представляет их предложение создать Министерство многонациональности, которое бы занималось проблемами различных народов Испании³⁹. Подобные структуры существуют в ряде стран Латинской Америки, например в Боливии, где действует Министерство по защите многонационального государства.

⁴⁰ *Capelli 2014.* В своих выступлениях и интервью лидеры «Подemos» неоднократно подчеркивали, что, хотя для них очевидна разница между странами Латинской Америки и Испанией, их вдохновляет способность руководства ряда латиноамериканских стран разорвать порочный круг и доказать, что можно быть действительно рядом со своим народом и эффективно управлять страной⁴⁰. Ни о каком копировании чужой модели речи не идет, однако отдельные ее элементы вполне могут оказаться полезными, как, например, некоторые аспекты экономической политики Эквадора или публичной политики Венесуэлы⁴¹. «На опыте Латинской Америки мы поняли, что есть только один способ покончить с дисфункциональными институтами — обратиться напрямую к людям, к народу», — указывал, в частности, Монедеро⁴². В свою очередь член Гражданского совета «Подemos» Герман Кано полагал, что главное, чему могут научить левые латиноамериканские режимы, — это то, «как артикулировать требования, которые на первый взгляд не сочетаются с уже существующими идентичностями»⁴³.

⁴¹ *Fernández 2014.* Примечательно, что, несмотря на жесткую критику политики Брюсселя, лидеры «Подemos» отнюдь не призывают к выходу Испании из зоны евро или Европейского союза в целом, настаивая скорее на реконструкции Европы⁴⁴. То есть, каким бы радикальным ни казался на первый взгляд дискурс «Подemos», его ни в коем случае нельзя назвать антиевропейским⁴⁵. Более того, по мнению ряда исследователей, в своих сомнениях относительно системы управления ЕС «Подemos» вполне органично вписывается в общий процесс переосмысления европейских институтов, развернувшийся на юге Европы⁴⁶.

⁴² *Faber 2014.* В целом, политика латиноамериканских стран, опирающаяся на историческое наследие антиколониальной борьбы и включающая в себя отказ от неолиберальных, капиталистических ценностей, предстает в работах лидеров «Подemos» примером успешного антисистемного движения, опыт которого может иметь глобальное значение. Стратегия таких стран, как Венесуэла, Боливия, Эквадор, рассматривается как эксперимент, в чем-то не всегда удачный, но, несомненно, эмансипационный проект⁴⁷. Не случайно даже поражение чавистов на выборах в парламент трактуется в них не столько как провал левых сил, сколько как свидетельство демократичности системы⁴⁸.

⁴³ *Seguín 2015.*

⁴⁴ *Faber 2014.*

⁴⁵ *Sánchez Cedillo 2014.*

⁴⁶ *Sousa Santos 2015.*

⁴⁷ *Errejón 2013.*

⁴⁸ *Monedero 2015; Aymá 2015.*

Заключение

Активное обращение лидеров «Подemos» к опыту леворадикальных режимов Латинской Америки отчасти связано, конечно, с их профессиональными интересами. Будучи политологами, все три лидера — и Иглесиас Туррион, и Эрехон, и Монедеро — не только изучали современные политические процессы в странах АЛБА, но и сотрудничали с латиноамериканскими деятелями. Тем не менее, и об этом говорят многие аналитики, сводить дело исключительно к особенностям биографии было бы в корне неверно⁴⁹.

⁴⁹ *Calva 2015.*

Бесспорно, то внимание, которое вызывают в Испании идущие в Латинской Америке процессы, во многом обусловлено историческим опытом и общим языком. Однако, на наш взгляд, имеется еще ряд немаловажных факторов, которые повлияли на интерес к происходящему в странах АЛБА. По сути, это некое продолжение все тех же европейских дискурсов, призывающих к пересмотру исторических взаимосвязей с бывшими колониями и странами третьего мира и признанию своих ошибок в отношениях с ними. Немаловажную роль здесь сыграла нормативная сила Европы, в рамках которой «темпоральный другой», открывающий возможность для расширения числа участников нормативной дискуссии, создал благоприятную конъюнктуру для обращения за опытом к периферии. И периферия с удовольствием этим опытом поделилась. Более того, возникновение практически в тот же период нормативной силы Венесуэлы позволило увидеть четко сформулированные нормативные тренды Каракаса. Венесуэла, а затем Боливия и Эквадор сумели представить свою обновленную иерархию ценностей — пусть в рамках дискурса региональной идентичности, но идентичности инклюзивной.

Одной из основных схем включения, предлагаемых АЛБА, стало противостояние неолиберальным режимам, где в качестве потенциального «другого» выступают адепты «капиталистических ценностей». «Другой» здесь не кто иной, как колонизатор; прежде всего это неолиберальные экономические институты и поддерживающие и пропагандирующие их международные акторы. Очевидно, что преодолеть такую инаковость теоретически способен любой участник международных отношений, и особое внимание леворадикальных сил Европы к процессам в Латинской Америке — явное тому подтверждение. Так возникла интереснейшая ситуация, когда венесуэльский опыт как бы дополнил классический европейский, причем с полного согласия последнего. Благодаря подобному совпадению схем включения двух механизмов нормативной силы, механизма нормативной силы ЕС и механизма нормативной силы Венесуэлы, оказалось возможно не просто использовать стратегии, разрабатываемые в Латинской Америке, но и активно ссылаться на лежащую в их основе систему ценностей (что и сделали лидеры «Подemos»).

Библиография

- Нойманн И.** 2004. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей.* — М.
- Abizadeh A.** 2005. Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity // *American Political Science Review*. Vol. 99. № 1.
- Aymá J.** 2015. Pablo Iglesias. Entrevista: 'El populismo de izquierdas es clave para el cambio' // *El Mundo*. 17.05 (<http://www.elmundo.es/espana/2015/05/17/5557a8a7ca4741132d8b4588.html>).
- Capelli D.** 2014. Pablo Iglesias concluye una 'inspiradora' gira por Latinoamérica // *El Mundo*. 02.10 (<http://www.elmundo.es/espana/2014/10/02/542caa0822601d27038b458c.html>).
- Cava B., Schavelzon P.** 2015. Podemos y Latinoamérica: historia de un desacuerdo // *Lobo suelto*. 20.08 (<http://anarquiacorona.blogspot.com.ee/2015/08/podemos-y-latinoamerica-historia-de-un.html>).
- Chakrabarty D.** 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference.* — Princeton.
- Chávez H.** 2013. Discurso de toma de posesión como Presidente Constitucional de la República de Venezuela // Chávez H. *La construcción del Socialismo del siglo XXI: Discursos del Presidente ante la Asamblea Nacional (1999—2012)*. T. I. — Caracas.
- Declaración conjunta Venezuela.** 2004 (<http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2004/esp/d141204e.html>).
- Diez T.** 2005. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // *Millennium*. Vol. 33. № 3.
- Errejón Galván I.** 2013. Sin manual, pero con pistas: algunas trazas comunes en los procesos constituyentes andinos (Venezuela, Bolivia, Ecuador) // *Viento Sur*. № 128.
- Faber S.** 2014. Fighting the New Fascism: Juan Carlos Monedero on PODEMOS, Spain's New Political Force // *The Volunteer*. 09.09 (<http://www.albavolunteer.org/2014/09/fighting-the-new-fascism-juan-carlos-monedero-on-podemos-spains-new-political-force/>).
- Fernández Nays A.** 2014. Pablo Iglesias: «No queremos ser una colonia de Alemania» // *BBC*. 27.05 (http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/05/140527_espana_entrevista_pablo_iglesias_az).
- Fisher Onar N., Nicolaidis K.** 2013. The Decentring Agenda: Europe as a Post-Colonial Power // *Cooperation and Conflict*. Vol. 48. № 2.
- García de Blas E.** 2016. Iglesias pide para sus socios catalanes un Ministerio de la Plurinacionalidad // *El País*. 22.01 (http://politica.elpais.com/politica/2016/01/22/actualidad/1453464394_951452.html).
- Iglesias P.** 2006. Bolivia: asamblea constituyente y revolución // *Diagonal*. 22.07 (<https://www.diagonalperiodico.net/global/asamblea-constituyente-y-revolucion.html>).
- Iglesias Turrión P. et al.** 2007. El regreso de Túpac Katari: Bolivia y los procesos de transformación global del capitalismo // *Tabula Rasa*. № 7.
- Iglesias Turrión P. et al.** 2008. Devolviendo el balón a la cancha: diálogos con Walter Mignolo // *Tabula Rasa*. № 8.

Jepperson R.L et al. 1996. Norms, Identity, and Culture in National Security // Katzenstein P. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. — N.Y.

Kavalski E. 2013. The Struggle for Recognition of Normative Powers: Normative Power Europe and Normative Power China in Context // *Cooperation and Conflict*. Vol. 48. № 2.

La Europa colonial y colonizada contra Evo. 2013 // *Marcha*. 03.07 (<http://www.marcha.org.ar/la-europa-colonial-y-colonizada-contra-evo/>).

Las diez frases del candidato del partido español, Podemos, Pablo Iglesias y su admiración por el chavismo. 2014 // *Diario de la Américas*. 27.11 (http://www.diariolasamericas.com/4848_venezuela/2813024_las-diez-frases-del-candidato-del-partido-espanol-podemos-pablo-iglesias-y-su-admiracion-por-el-chavismo.html).

Manetto F. 2015. Podemos Co-founder Denies Illegally Funding Party via Consulting Work // *El País*. 20.02 (http://elpais.com/elpais/2015/02/20/inenglish/1424452714_654036.html).

Manners I. 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. № 2.

Martínez E. et al. 2015. Ni colonialistas, ni simpáticos: una respuesta a Eduardo Gudynas // *La Línea de Fuego*. 13.10 (<http://lalineadefuego.info/2015/10/13/ni-colonialistas-ni-simpaticos-una-respuesta-a-eduardo-gudynas/>).

Monedero J. C. 2015. Peligros y oportunidades en Venezuela // *Comiendo tierra*. 17.12 (<http://www.comiendotierra.es/2015/12/07/peligros-y-oportunidades-en-venezuela/>).

Morozov V., Rumelili B. 2012. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and Conflict*. Vol. 47. № 1.

Patomäki H. 2010. Is a Global Identity Possible? The Relevance of Big History to Self-Other Relations // *Refugee Watch a South Asian Journal on Forced Migration*. Vol. 36. № 1.

Postel-Vinay K. 2008. The Historicity of European Normative Power // Laidi Z. (ed.) *EU Foreign Policy in a Globalized World*. — L.

Prozorov S. 2011. The Other as Past and Present: beyond the Logic of «Temporal Othering» in IR Theory // *Review of International Studies*. Vol. 37. № 3.

Risse-Kappen T. 1994. Ideas not Float Freely: Transnational Coalitions, Domestic Structure and the End of the Cold War // *International Organization*. Vol. 48. № 2.

Rumelili B. 2004. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation // *Review of International Studies*. Vol. 30. № 1.

Said E.W. 1979. *Orientalism*. — N.Y.

Sánchez Cedillo R. 2015. *El posse de Podemos: Notas tras elecciones y abdicación* (<http://www.euronomade.info/?p=2542>).

Sartre J.-P. 1975. *Between Existentialism and Marxism*. — N.Y.

Seguín B. 2015. Podemos's Latin American Roots // *Jacobin*. March (<https://www.jacobinmag.com/2015/03/podemos-spain-iglesias-morales-chavez/>).

Serrano P. 2014. Lo que Podemos (afortunadamente) aprendió de Venezuela // *El Diario*. 28.05 (http://www.eldiario.es/zonacritica/Podemos-afortunadamente-aprendio-Venezuela_6_264983530.html).

Sousa Santos B. de. 2015. The Podemos Wave // *Open Democracy*. 16.03 (<https://www.opendemocracy.net/boaventura-de-sousa-santos/podemos-wave>).

Stobart L. 2014. Understanding Podemos (2/3): Radical Populism // *Left Flank*. 14.11 (<http://left-flank.org/2014/11/14/understanding-podemos-23-radical-populism/>).

Wæver O. 1998. Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-war Community // Adler E., Barnett M. (eds.) *Security Communities*. — Cambridge.

Zutter E. de. 2010. Normative Power Spotting: an Ontological and Methodological Appraisal // *Journal of European Public Policy*. Vol. 17. № 8.

References

Abizadeh A. 2005. Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity // *American Political Science Review*. Vol. 99. № 1.

Aymá J. 2015. Pablo Iglesias. Entrevista: 'El populismo de izquierdas es clave para el cambio' // *El Mundo*. 17.05 (<http://www.elmundo.es/espana/2015/05/17/5557a8a7ca4741132d8b4588.html>).

Capelli D. 2014. Pablo Iglesias concluye una 'inspiradora' gira por Latinoamérica // *El Mundo*. 02.10 (<http://www.elmundo.es/espana/2014/10/02/542caa0822601d27038b458c.html>).

Cava B., Schavelzon P. 2015. Podemos y Latinoamérica: historia de un desacuerdo // *Lobo suelto*. 20.08 (<http://anarquiacoronada.blogspot.com/2015/08/podemos-y-latinoamerica-historia-de-un.html>).

Chakrabarty D. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. — Princeton.

Chávez H. 2013. Discurso de toma de posesión como Presidente Constitucional de la República de Venezuela // Chávez H. *La construcción del Socialismo del siglo XXI: Discursos del Presidente ante la Asamblea Nacional (1999—2012)*. T. I. — Caracas.

Declaración conjunta Venezuela. 2004 (<http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2004/esp/d141204e.html>).

Diez T. 2005. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // *Millennium*. Vol. 33. № 3.

Errejón Galván I. 2013. Sin manual, pero con pistas: algunas trazas comunes en los procesos constituyentes andinos (Venezuela, Bolivia, Ecuador) // *Viento Sur*. № 128.

Faber S. 2014. Fighting the New Fascism: Juan Carlos Monedero on PODEMOS, Spain's New Political Force // *The Volunteer*. 09.09 (<http://www>).

albovolunteer.org/2014/09/fighting-the-new-fascism-juan-carlos-monederro-on-podemos-spains-new-political-force/).

Fernández Nays A. 2014. Pablo Iglesias: «No queremos ser una colonia de Alemania» // *BBC*. 27.05 (http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/05/140527_espana_entrevista_pablo_iglesias_az).

Fisher Onar N., Nicolaidis K. 2013. The Decentring Agenda: Europe as a Post-Colonial Power // *Cooperation and Conflict*. Vol. 48. № 2.

García de Blas E. 2016. Iglesias pide para sus socios catalanes un Ministerio de la Plurinacionalidad // *El País*. 22.01 (http://politica.elpais.com/politica/2016/01/22/actualidad/1453464394_951452.html).

Iglesias P. 2006. Bolivia: asamblea constituyente y revolución // *Diagonal*. 22.07 (<https://www.diagonalperiodico.net/global/asamblea-constituyente-y-revolucion.html>).

Iglesias Turrión P. et al. 2007. El regreso de Túpac Katari: Bolivia y los procesos de transformación global del capitalismo // *Tabula Rasa*. № 7.

Iglesias Turrión P. et al. 2008. Devolviendo el balón a la cancha: diálogos con Walter Mignolo // *Tabula Rasa*. № 8.

Jepperson R.L et al. 1996. Norms, Identity, and Culture in National Security // Katzenstein P. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. — N.Y.

Kavalski E. 2013. The Struggle for Recognition of Normative Powers: Normative Power Europe and Normative Power China in Context // *Cooperation and Conflict*. Vol. 48. № 2.

La Europa colonial y colonizada contra Evo. 2013 // *Marcha*. 03.07 (<http://www.marcha.org.ar/la-europa-colonial-y-colonizada-contra-evo/>).

Las diez frases del candidato del partido español, Podemos, Pablo Iglesias y su admiración por el chavismo. 2014 // *Diario de la Américas*. 27.11 (http://www.diariolasamericas.com/4848_venezuela/2813024_las-diez-frases-del-candidato-del-partido-espanol-podemos-pablo-iglesias-y-su-admiracion-por-el-chavismo.html).

Manetto F. 2015. Podemos Co-founder Denies Illegally Funding Party via Consulting Work // *El País*. 20.02 (http://elpais.com/elpais/2015/02/20/inenglish/1424452714_654036.html).

Manners I. 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. № 2.

Martínez E. et al. 2015. Ni colonialistas, ni simpáticos: una respuesta a Eduardo Gudynas // *La Línea de Fuego*. 13.10 (<http://lalineadefuego.info/2015/10/13/ni-colonialistas-ni-simpaticos-una-respuesta-a-eduardo-gudynas/>).

Monedero J. C. 2015. Peligros y oportunidades en Venezuela // *Comienzo tierra*. 17.12 (<http://www.comiendotierra.es/2015/12/07/peligros-y-oportunidades-en-venezuela/>).

Morozov V., Rumelili B. 2012. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and Conflict*. Vol. 47. № 1.

Neumann I. 2004. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanií evropejskih identichnostej*. — M.

- Patomäki H.** 2010. Is a Global Identity Possible? The Relevance of Big History to Self-Other Relations // *Refugee Watch a South Asian Journal on Forced Migration*. Vol. 36. № 1.
- Postel-Vinay K.** 2008. The Historicity of European Normative Power // Laidi Z. (ed.) *EU Foreign Policy in a Globalized World*. — L.
- Prozorov S.** 2011. The Other as Past and Present: beyond the Logic of «Temporal Othering» in IR Theory // *Review of International Studies*. Vol. 37. № 3.
- Risse-Kappen T.** 1994. Ideas not Float Freely: Transnational Coalitions, Domestic Structure and the End of the Cold War // *International Organization*. Vol. 48. № 2.
- Rumelili B.** 2004. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation // *Review of International Studies*. Vol. 30. № 1.
- Said E.W.** 1979. *Orientalism*. — N.Y.
- Sánchez Cedillo R.** 2015. *El posse de Podemos: Notas tras elecciones y abdicación* (<http://www.euronomade.info/?p=2542>).
- Sartre J.-P.** 1975. *Between Existentialism and Marxism*. — N.Y.
- Seguín B.** 2015. Podemos's Latin American Roots // *Jacobin*. March (<https://www.jacobinmag.com/2015/03/podemos-spain-iglesias-morales-chavez/>).
- Serrano P.** 2014. Lo que Podemos (afortunadamente) aprendió de Venezuela // *El Diario*. 28.05 (http://www.eldiario.es/zonacritica/Podemos-afortunadamente-aprendio-Venezuela_6_264983530.html).
- Sousa Santos B. de.** 2015. The Podemos Wave // *Open Democracy*. 16.03 (<https://www.opendemocracy.net/boaventura-de-sousa-santos/podemos-wave>).
- Stobart L.** 2014. Understanding Podemos (2/3): Radical Populism // *Left Flank*. 14.11 (<http://left-flank.org/2014/11/14/understanding-podemos-23-radical-populism/>).
- Wæver O.** 1998. Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-war Community // Adler E., Barnett M. (eds.) *Security Communities*. — Cambridge.
- Zutter E. de.** 2010. Normative Power Spotting: an Ontological and Methodological Appraisal // *Journal of European Public Policy*. Vol. 17. № 8.